

Церковь и власть в СССР в 1920–1950-е годы

© 2012 г. А. В. МАЗЫРИН*

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Одной из важнейших задач внутренней политики партийно-советского руководства СССР в 1920-е гг. было подчинение своему полному контролю религиозных организаций и одновременное максимальное снижение их влияния на широкие народные массы. В первую очередь эта задача ставилась в отношении крупнейшей и наиболее влиятельной конфессии в стране – Русской Православной Церкви. В научной литературе уже достаточно много внимания уделено тому, какими средствами власть пыталась добиться желаемого ею при патриархе Тихоне и как Церковь, в свою очередь, реагировала на агрессивную конфессиональную политику большевиков¹. После кончины патриарха Тихона в 1925 г. давление власти на церковное руководство было усилено, что вскоре привело к конфликту с патриаршим местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (Полянским)². Конфликт имел характерный для того времени итог – арест местоблюстителя и целого ряда близких к нему епископов. Однако поставленной цели – подчинения патриаршей Церкви своим интересам – власть этим не достигла. Заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), как ранее патриарх Тихон и митрополит Петр, в 1926 г. продолжал отстаивать сохранение внутренней независимости и аполитичности Церкви при ее полной внешней лояльности государству. Твердо занимая такую позицию, Московская патриархия, в отличие от некоторых просоветских раскольнических групп (например, обновленцев), оставалась не легализованной, но в 1927 г., после ряда драматических событий, митрополит Сергей принял условия власти, добившейся, таким образом, решения своих скрытых задач в отношении патриаршей Церкви³. Что же заставило митрополита Сергия отступить от позиций, отстаивавшихся его предшественниками и им самим, и какие именно действия власти привели ее к успеху на «церковном фронте»? Воссоздать картину противостояния советской власти и патриаршей Церкви позволяет изучение комплекса документов, сохранившихся в делопроизводстве органов госбезопасности, игравших главную роль в негласной борьбе с «церковниками». Они характеризуют не только деятельность самих этих органов, но и реакцию церковных кругов – как высших иерархов, так и низовых религиозных организаций⁴.

Вступление митрополита Сергия в должность заместителя местоблюстителя в декабре 1925 г. происходило в крайне сложной для него обстановке. Во-первых, шли аресты близких митрополиту Петру архиереев, к каковым относился и сам Нижегородский митрополит. Во-вторых, он был связан подпиской о невыезде из Нижнего Новгорода, в то время как патриаршая канцелярия, которую ему следовало бы принять, находилась в Москве. В-третьих, права митрополита Сергия на возглавление Русской Православной Церкви были не вполне очевидны (его должность – заместитель местоблюстителя, то есть заместитель заместителя патриарха – была совершенно беспрецедентной). Наконец, в-четвертых, у советской власти были свои кандидаты на высшее управление патриаршей Церковью – находившаяся в контакте с ОГПУ группа архиереев, главную роль в которой играли архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский) и епископ Можайский Борис (Рукин). Последний еще в мае 1925 г. получил от Секретного отдела ОГПУ предложение

---

* Мазырин Александр Владимирович, священник, кандидат исторических наук, магистр богословия, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

образовать в Церкви инициативную группу «Защита Православия от политиканства» и подать ходатайство о ее легализации во ВЦИК⁵. 22 декабря 1925 г. григорьевско-борисовская группа организовала так называемый Временный Высший церковный совет (ВВЦС), а 2 января 1926 г. получила справку о том, что «к открытию деятельности Временного совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»⁶.

В каком-то смысле в пользу митрополита Сергия в тот момент было то, что власть была заинтересована не только в утверждении позиций ВВЦС, но и в расколе среди «тихоновцев», и поэтому она позволила заместителю местоблюстителя вступить в жесткую полемику с «григорианами». При этом митрополит Сергей, будучи опытным церковным политиком, строил свою полемику с ВВЦС так, чтобы ни в чем не задеть власть, обвиняя «григориан» лишь в самочинии и нарушении церковных канонов. В результате в первые месяцы правления митрополита Сергия главной его задачей было не столько урегулировать свои взаимоотношения с властью, сколько, не давая ей прямого повода для репрессий, получить признание своих полномочий в церковной среде. В целом с этой задачей он справился. Григорьевско-борисовская группа возлагавшихся на нее в ОГПУ надежд не оправдала. Произвести полномасштабный раскол в «тихоновщине» с ее помощью не удалось. Скорее, эффект от ее выступления получился даже обратным: консолидация «тихоновцев» вокруг заместителя местоблюстителя, умело отстаивавшего внутреннюю независимость Церкви от ОГПУ, агентов которого не без оснований видели в деятелях ВВЦС.

Существенную поддержку митрополиту Сергию в его борьбе с ВВЦС оказали украинские православные епископы, в рядах которых особенно выделялся своей активностью епископ Прилукский Василий (Зеленцов). 4 января 1926 г., еще до того, как митрополит Сергей вступил в полемику с «григорианами», владыка Василий, как член Поместного собора 1917–1918 гг., отправил заместителю патриаршего местоблюстителя рапорт, подробно описав обстоятельства, при которых Собор поручил патриарху Тихону назначить себе заместителей⁷. Имея на руках такое свидетельство, митрополит Сергей мог утверждать, что полученные им по единоличному завещанию предшественника заместительские права на управление Церковью вполне законны. Весьма выразительно роль украинских епископов в борьбе с «григорианами» описал в своих показаниях 1931 г. киевлянин Г.А. Косткевич, выполнявший в середине 1920-х гг. роль секретного церковного курьера: «С декабря 1925 г. возникший спор из-за власти между м[итрополитом] Сергием Страгородским и ВВЦС явился первым эпизодом, в котором организация, и в частности ее украинские группировки, оказали решающее влияние на ход событий. Оценивая ВВЦС как группировку, взявшую курс на соглашение с властью, организация приложила все усилия и все свое влияние, дабы решить этот спор в пользу м[итрополита] Сергия. С этой целью всеукраинский центр в Харькове составил ряд обращений к м[итрополиту] Сергию, требуя от него решительной борьбы с ВВЦС, наложения на его участников церковных запрещений и выражая ему полную поддержку и доверие. Эти обращения, подписанные членами центра, епископами в Харькове, были затем привезены специальным курьером св[ященником] Пискановским в Полтаву, Киев и Житомир, в каковых городах Пискановский собирал подписи епископов под этим обращением. Затем он уехал в Москву и Нижний Новгород к м[итрополиту] Сергию. На обратном пути он же привозил информацию о ходе событий. Поездки его были строго конспиративны, средства на них он получал из Харьковского центра, а также епископы и др. городов вносили непосредственно ему деньги по предложению всеукраинского центра. Одновременно по почте из Харькова, из центра получалась рукописная литература, направленная против ВВЦС»⁸. Стилистика свидетельства Косткевича (и, в частности, употребление им выражений «организация» и «центр») объяснялась обстановкой следствия, однако с фактической стороны его показания практически безупречны.

В апреле 1926 г. начался новый этап споров о церковной власти, ее преемстве и легализации. В центре его оказались начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) – второй кандидат в местоблюстители патриаршего престола согласно завещанию патриарха Тихона. «В это самое время дела “ВВЦС” шли все хуже, – описывал ситуацию Кост-

кевич (на этот раз не в показаниях на следствии, а в написанном ранее на свободе очерке), – вся Церковь стала на сторону м[итрополита] Сергия, и было очевидно для всякого, что и эта затея ГПУ, имевшая целью внести новую смуту в жизнь Церкви, обессилить Ее, а в случае успеха ВВЦС подчинить Ее своему влиянию, – проваливается по примеру всех предыдущих. Тогда, не желая отказаться от начатого, Тучков прибегает к новой хитрости: закончившему срок своей ссылки в Нарымском крае митр[ополи]ту Агафангелу разрешают вернуться в Ярославль, но по дороге, в Перми, задерживают его, и там состоится его свидание с Тучковым. Изобразив положение Церкви как близкое к катастрофе, внутреннюю борьбу “ВВЦС” и митр[ополи]та Сергия за власть как момент, не дающий правительству возможность легализовать Прав[ославную] Церковь, к чему правительство, якобы, стремится, Тучков просил м[итрополита] Агафангела урегулировать внутренние дела Церкви своим авторитетом и своими еще патриархом данными полномочиями и войти с правительством в переговоры для оформления Правосл[авного] Церковного управления»⁹.

По-видимому, власть действительно была не прочь легализовать патриаршую Церковь, но в собственных целях и на весьма специфических условиях, как было ранее легализовано обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ), а затем «григорианский» ВВЦС. И митрополит Петр мог получить в 1925 г. легализацию своего управления, если бы стал исполнять требования ОГПУ. Первым из этих требований являлось следование так называемому «Предсмертному завещанию» патриарха Тихона, в котором была намечена программа борьбы с «церковной контрреволюцией», внутренней и внешней¹⁰. Митрополит Петр, не отвергая на словах это подложное «завещание», на деле от него совершенно отмежевался, что стало одной из главных причин его ареста. Митрополиту Агафангелу было предложено в Перми то же самое условие, и он его, насколько можно судить, принял¹¹. Очевидно, сказывалось то, что он, в отличие от митрополита Петра, не знал обстоятельств появления «Предсмертного завещания» на свет и негативной реакции на него в церковных кругах.

Скоропалительное объявление митрополитом Агафангелом себя местоблюстителем после секретных переговоров с Тучковым в Перми не могло не насторожить «тихоновцев». «Сообщаем, – информировал Тучкова Секретный отдел ГПУ УССР, – что епископ Макарий (Кармазин. – А.М.) вместе с другими епископами, проживающими в г. Харькове, за исключением Павла Кратирова, резко осудил выступление Агафангела, о чем ему через экзарха Украины Михаила Ермакова последними был написан коллективный протест. Вместе с этим к Агафангелу как к личности епископат и духовенство питает большое уважение»¹². Главную роль в составлении протеста сыграл, так же как ранее в истории с «григорианцами», епископ Василий (Зеленцов)¹³. «Подозревая м[итрополита] Агафангела в стремлении идти на соглашение с Сов[етской] властью, – характеризовал участие украинских архиереев в деле митрополита Агафангела в своих показаниях Косткевич, – организация, очевидно, увидела в его лице снова опасность для проведения к[онтр]р[еволюционной] линии в церковной жизни, которую она все время осуществляла, и поэтому вновь, как и при ВВЦС, всеукраинский центр взял на себя инициативу поддержать м[итрополита] Сергия в его борьбе с м[итрополитом] Агафангелом. Снова с рядом обращений, подписанных членами харьковского центра, Пискановский совершил объезд городов Украины – Полтавы, Киева, Житомира, – и собравши подписи епископов, отвез их м[итрополиту] Сергию в Нижний Новгород и м[итрополиту] Агафангелу в Ярославль. ...Смысл этих бумаг сводился к выражению поддержки м[итрополиту] Сергию и совету ему не останавливаться ни перед чем, налагая прещения на м[итрополита] Агафангела, и в предложении м[итрополиту] Агафангелу отказаться от притязаний на местоблюстительство с выражением ему недоверия»¹⁴. Конечно, в деле митрополита Агафангела принял участие не только украинские епископы, но и московские, и даже ярославские викарии. В результате, убедившись, что его выступление не встречает поддержки, Ярославский митрополит в июне 1926 г. «ради мира церковного» отказался от своих прав на местоблюстительство¹⁵.

Тем временем еще до окончательного разрешения спора с митрополитом Агафангелом, митрополит Сергей в начале июня 1926 г. сосредоточился на урегулировании собственных отношений с властью, а именно попытался легализовать свое управление.

1 июня он обратился в НКВД с ходатайством зарегистрировать его в качестве временно исправляющего должность местоблюстителя патриаршего престола и его канцелярию Московской патриархии. Примечательно, что речь шла о регистрации единоличного управления (хотя и с канцелярией). Единоличного возглавления всероссийских общественных организаций, в том числе и религиозных, советское законодательство в принципе не предусматривало¹⁶, что уже предопределяло отклонение ходатайства митрополита Сергия. Вообще кажется, что своей июньской инициативой заместитель патриаршего местоблюстителя больше рассчитывал произвести благоприятное впечатление на Церковь, чем на власть. Он также просил руководство НКВД «дать распоряжение о регистрации местных административными органами местной староцерковнической иерархии», разрешить издание «Вестника Московской патриархии» и организацию духовного образования, как высшего, так и среднего. В ходатайстве в НКВД митрополит Сергей кратко, но емко излагал свою программу церковного строительства: «Дальнейшая наша задача по получении регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов правления для руководства церковными делами... Мы можем потом приступить к делу созыва Поместного нашего собора во всесоюзном масштабе для выбора патриарха, организации при нем Священного Синода и Высшего церковного совета и прочих церковных дел¹⁷. Иными словами, он намеревался действовать в русле решений Собора 1917–1918 гг., что, конечно, не могло не располагать к нему православных.

К заявлению в НКВД митрополит Сергей приложил проект своего послания, с которым он предполагал обратиться к Церкви в случае успеха своего ходатайства. Как и обращение в НКВД, проект послания к Церкви был выдержан в достойном ключе и, как потом обнаружилось, по своим основным положениям был очень близок написанному почти одновременно с ним «Соловецкому посланию»¹⁸. «Будучи искренними до конца, – писал тогда митрополит Сергей, – мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом». Митрополит Сергей во всеулышание отказывался «примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм»: «Обещая полную лояльность, обязательную для всех граждан Союза, мы, представители церковной иерархии, не можем взять на себя каких-либо особых обязательств или доказательств нашей лояльности. Не можем взять на себя, например, наблюдение за политическим настроением наших единоверцев, хотя это наблюдение и ограничивалось бы тем, что за благонадежность одних мы ручаемся, а других будем лишать такого ручательства. Для этой цели у Советской власти есть орган более подходящий и средства более действенные. Тем паче не можем мы взять на себя функции экзекуторские и применять церковные кары для отмщения». «Обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями, – говорилось в проекте послания, – было бы ни с чем несообразно и давало бы только лишний повод говорить о принуждении к тому Советской властью»¹⁹. Этими словами митрополит Сергей по сути дела полностью перечеркивал подложное «Предсмертное завещание» патриарха Тихона, предусматривавшее создание «особой комиссии» для «обследования деяний бежавших за границу архипастырей и пастырей»²⁰.

Именно июньский проект декларации митрополита Сергия, быстро разошедшийся в церковных кругах, окончательно решил спор о местоблюстительстве в его пользу. В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за июнь 1926 г. сообщалось: «На местах с получением воззвания Агафангела симпатии верующих были на его стороне и даже раздавались голоса, что Агафангел – “спаситель русской церкви от разрухи”; но, получивши разъяснение от своего духовенства в духе сергиевского послания, переменили отношение к Агафангелу, объявив себя сторонниками Сергия»²¹. Однако очевидным было, что те принципы легализации, которые выдвинул в своем проекте митрополит Сергей, совершенно не устраивали власть, и она будет оказывать давление на заместителя местоблюстителя, добываясь согласия на ее собственные условия. «Единственным законным управителем, – описывал сложившуюся к середине лета 1926 г. ситуацию Косткевич, – остался м[итрополит] Сергей, с каковым Сов[етская] власть, убедившись в бесплодности своих попыток спровоцировать анархию в Церкви через ВВЦС и м[итрополита] Агафанге-

ла, стала продолжать переговоры о легализации, начатые год назад с м[итрополитом] Петром»²². В «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1926 г. по поводу «сергиевской» легализации было сказано: «Среди сергеевцев (реакционное крыло тихоновцев) имелась попытка легализоваться и зарегистрировать себя как орган церковной власти. Попытка эта не встретила сочувствия среди церковно-приходских советов, стоящих за нелегальное правление; попов, активно стоящих за легализацию, в некоторых случаях изгоняли из приходов»²³.

В сводке Секретного отдела ГПУ УССР за июль–август 1926 г. реакция украинских «тихоновцев» на июньскую инициативу митрополита Сергия была представлена более рельефно: «В июле м[еся]це с[его] г[ода] тихоновским активом были получены из Москвы сведения о подаче митрополитом Сергием правительству декларации с целью получения легализации. Это послание получило быстро широкое распространение в кругах украинского духовенства, вызвав частичное усиление активности тихоновщины. Декларация, как выяснилось, вызвала много толков. Но расценивается она не всеми церковными кругами одинаково. Часть рядовых священников, особенно сельских, возлагает на декларацию много надежд. По их мнению, правительство примет декларацию за основу в переговорах с церковью о легализации. В силу этого благоприятное разрешение вопроса о легализации близко. Это принесет, по их мнению, полное умиротворение в жизни церкви»²⁴. Можно предположить, что сторонников легализации среди рядового духовенства было большинство. При этом, учитывая реалии того времени, нельзя не признать их надежды на полное умиротворение в жизни Церкви довольно наивными.

«Другая часть, – говорилось далее в сводке, – преимущественно городского духовенства, расценивает декларацию как очередную попытку к получению легализации. По примеру прежних попыток такого рода, декларация, по их мнению, подвергнется той же участи». Эта точка зрения была гораздо более реалистичной: проект ходатайства, составленный митрополитом Сергием в 1926 г., действительно, разделил участь усилий его предшественников, пытавшихся легализоваться на приемлемых для Церкви условиях. «Наконец, 3-я часть, – отмечали чекисты, – антисоветски настроенный актив тихоновщины, расценивает декларацию как простой дипломатический шаг. Цель его – показать всем, что церковь вновь сделала попытку к легализации. Если правительство оставит ее без последствий, можно будет “умыть руки перед историей”. Нормальное положение церкви, по их мнению, мыслимо только при условии гонения со стороны правительства. Одним из основных условий правительства для легализации является требование об осуждении контрреволюционной деятельности заграничной иерархии и разрыва с ней связи. Так как церковь на это пойти не может – легализация невозможна». Нетрудно заметить, что описанная третья точка зрения, по сути дела, мало отличалась от второй и основывалась на том, что Церковь все равно будет гонимой богоборческой властью и даже разрыв с «заграничниками» не изменит ситуацию. «Вследствие отсутствия достаточно достоверных сведений о дальнейшей судьбе декларации, – подводился итог в сводке СО ГПУ УССР, – разговоры о ней к концу отчетного периода почти прекратились»²⁵.

Согласно показаниям Косткевича, среди украинских церковных активистов, до той поры деятельно поддерживавших митрополита Сергия, его попытка легализоваться сочувствия не вызвала. «Кажется, – сообщал Косткевич на следствии, – в июне или июле 1926 г. м[итрополит] Сергий Страгородский... начал переговоры в Москве с Сов[етской] властью о легализации, составил проект декларации и затем обращение к епископам с предложением эту декларацию обсудить и дать свой отзыв. Эти документы получены были и в Киеве... встретили их в Киеве сдержанно и холодно, и, насколько помню, никакого отзыва или ответа м[итрополиту] Сергию не дали. Насколько знаю, и в Харькове отношение было аналогичное и, кажется, без всяких письменных документов... Вслед за этим стали появляться из Харькова... первые образцы рукописей литературы, направленной против легализации вообще»²⁶. Негативное отношение к «легализации вообще» отчасти объяснялось тем, что у украинских епископов в тот момент перед глазами была попытка местной церковной легализации в Черниговской епархии, в которой летом 1926 г. участвовал и находившийся тогда в Москве с подпиской о невыезде эзрарх Украины митрополит Михаил (Ермаков).

Для понимания положения, в котором находилась патриаршая Церковь в 1926 г., эта история, несмотря на ее локальный характер, весьма важна, и на нее стоит обратить особое внимание (в историографии она до сих пор не освещалась).

К концу 1925 г. единственным «тихоновским» архиереем на Черниговщине остался состоявший в контакте с ГПУ УССР епископ Новгород-Северский Матфей (Храмцов). За неимением других он и стал управляющим епархией. Вскоре после этого при сочувствии епископа Матфея один из подчиненных ему протоиереев, некий Николай Суворов из г. Новгород-Северский Глуховского округа, развил чрезвычайную активность в деле местной церковной легализации. «В марте мес[яце] с[его] г[ода] из Глуховского округа к нам явился протоиерей Суворов Николай, принадлежащий к тихоновской ориентации, и просил разрешения на созыв Окружного съезда тихоновского духовенства, – информировало в июле 1926 г. московский Секретный отдел ОГПУ руководство ГПУ УССР. – Будучи нами обработан, он, дав подписку., приступил к проведению подготовительной работы по созыву окружного съезда. Ему легко удалось склонить к этому как целый ряд протоиереев и священников, так и самого епископа Матвея Храмцова»²⁷. Условия, на которых ГПУ УССР соглашалось не стеснять деятельность Суворова, нашли свое выражение в подготовленной им декларации. «В заключение, – провозглашалось в ее последнем абзаце, – мы заявляем: 1-е что на будущем Поместном соборе Всеукраинской Церкви мы потребуем канонического осуждения всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине, во вред Православной Церкви и социалистическому строительству новой жизни трудового народа, и 2-е – что наше христианское поведение в отношении Соввласти отныне должно определяться содержанием предсмертного завещания патриарха Тихона»²⁸. Таким образом, чтобы легализоваться «тихоновцам» надо было осудить «тихоновщину» и всех ее поддерживающих, для чего оказывалось вполне пригодным так называемое «Предсмертное завещание», приписываемое самому патриарху Тихону. Это вполне соответствовало задаче, поставленной перед начальниками Окротделов ГПУ УССР в секретном циркуляре, разосланном в январе 1926 г.: «Примите меры к вербовке попов для проведения линии отмежевания от тихоновщины»²⁹. Неудивительно, что суворовская инициатива встретила неприятие в кругах настоящих «тихоновцев».

Глуховский активист, однако, был настроен идти до конца. «Не желая оставить начатого дела, – сообщало украинское ГПУ в московский Секретный отдел, – Суворов выехал в Москву с целью получить санкцию на проведение дальнейшей работы у экзарха Украины Михаила Ермакова». Программу своей поездки в Москву деятельный глуховский протоиерей с СО ГПУ УССР не согласовывал, чем поставил харьковских чекистов в несколько неловкое положение: «22/VII Суворов, явившись к нам, рассказал, что в результате его свидания с Михаилом последний благословил дальнейшую деятельность группы, утвердил (за исключением одного резкого места) выработанную ими декларацию, а также благословил епископа Матфея... на управление Черниговской епархией. Одновременно с этим Суворов передавал, что он был в ОГПУ и виделся с тов. Тучковым, от которого, якобы, также получил согласие на проведение дальнейшей работы в этом направлении. Больше того, – что в связи с этим ГПУ временно воздерживается от высылки из Москвы Михаила Ермакова, в то время когда других проживавших там до сего времени епископов в настоящее время высылают»³⁰. Действительно, в тот момент, во исполнение постановления, принятого Антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б) 3 июля 1926 г., активно осуществлялась высылка епископов из Москвы³¹. Не вызывает сомнения и то, что ОГПУ при этом угрозами высылки пыталось воздействовать на отдельных иерархов, в том числе и на митрополита Михаила. Как видно, результат этого воздействия в случае с экзархом Украины был для ОГПУ поначалу весьма не плохим. 15 июля 1926 г. митрополит Михаил наложил на суворовской декларации резолюцию: «Признаю полезной для С[вятой] Православной Церкви на Украине начатую работу инициативной группы Старославянской Православной Церкви Глуховского округа и призываю на ее деятельность, под руководством преосвященного Матфея, Божие благословение»³². При этом митрополит Михаил все-таки вычеркнул один абзац декларации, в котором говорилось: «Признавая вместе с умершим

патриархом Тихоном его неверное понимание Советской власти в первые годы социальной революции в России и скорбь о последствиях его антисоветской деятельности того времени, породившей политическую авантюру под именем “тихоновщины”, мы считаем долгом верности Советской власти и чести своего христианского имени категорически отмежеваться от всех причастных к “тихоновщине”, к какому бы то ни было званию они не принадлежали и какое бы положение в Церкви они не занимали³³. «С такой редакцией я не согласен», – написал митрополит Михаил³⁴. Однако удаление этих слов из суворовской декларации, по сути дела, мало что меняло, так как в ней все равно оставался последний абзац, выражавший «осуждение всех представителей Церкви, создавших и поддерживавших “тихоновщину” на Украине».

«Считаем необходимым отметить, – писали московскому начальству сотрудники украинского ГПУ, – что в связи с получением Суворовым “благословения” экзарха Украины на проведение работы по легализации тихоновщины в духе декларации, мы находим вполне целесообразным и своевременным поддержать эту группировку в деле ее укрепления с целью откола от тихоновцев новых приходов». Таким образом, результатом «легализации тихоновщины» должен был стать очередной церковный раскол. Втягивание в интригу митрополита Михаила обещало сделать этот раскол довольно масштабным, отсюда такая заинтересованность ГПУ УССР. Правда, у харьковских чекистов оставались некоторые сомнения, не блефовал ли глуховский протоиерей, рассказывая им о своих московских удачах, поэтому 24 июля 1926 г. в своем отношении в СО ОГПУ они просили «сообщить, действительно ли Суворов являлся к тов. Тучкову и правильно ли он передал нам вышеизложенное, а также санкционировать проведение нами этой работы»³⁵. Ответ из Москвы за подписью начальника Секретного отдела Т.Д. Дерибаса был отправлен лишь в сентябре: «Протоиерей Суворов Н. действительно по приезду в Москву являлся в СО ОГПУ, где по окончании беседы получил указания, изложенные в Вашем отношении. Кроме того, он же имел свидание с Мих[аилом] Ермаковым. СО ОГПУ не возражает против созыва окружного съезда тихоновского духовенства, проведя последний на основе и в соответствии с той декларацией, копию которой Вы представили при вышеуказанном отношении»³⁶. Позднее заместитель председателя ГПУ УССР К.М. Карлсон писал Дерибасу: «За последнее время на Черниговщине проведена большая работа по отрыву от тихоновцев и созданию на Черниговщине автокефальной, в границах губернии, группы во главе с тихоновским епископом Матвеем. Эта группа противопоставляет себя тихоновщине, осуждает ее и в отношении заграничных церковников во главе с Храповицким предлагает отлучения. Выработанную этой группой декларацию подписал даже экзарх Украины, находящийся в Москве, митрополит Михаил Ермаков, что даст нам возможность его скомпрометировать. Об этом факте т. Тучков знал от нашего осведомителя, который его информировал в Москве во время обработки Михаила Ермакова»³⁷. Здесь уже руководство ГПУ УССР ставило себе в заслугу факт осведомления Тучкова Суворовым о подписании митрополитом Михаилом его декларации. В действительности, как вскоре обнаружилось, успехи харьковских чекистов в суворовском деле оказались далеко не столь блестящими.

За приготовлениями Суворова следило, естественно, не только ГПУ, которое, как видно, действовало в той ситуации весьма нерасторопно. Небезучастным остался и украинский православный епископат. Это было время его наивысшей активности, еще были на свободе епископ Василий (Зеленцов) и другие представители негласного епископского собора Украины. В отличие от ГПУ, самодовольно ожидавшего результатов «обработки» экзарха, они времени не теряли. Видя, что митрополит Михаил проявил слабость, украинские епископы в обход него обратились к митрополиту Сергию с призывом вмешаться. Митрополит Сергей ответил на это 4 августа резолюцией: «Ввиду того, что дело, затеянное протоиереем Суворовым, грозит нарушить единение между православными и смущает совесть многих, а владыка экзарх далеко, прошу украинских архиереев в Харькове, Полтаве, Киеве и Житомире внимательно обсудить это дело и, если понадобится, воздействовать на преосвященного Матфея в должном направлении»³⁸.

Решение украинских епископов по суворовскому делу представляет собой замечательный документ (в нем явно чувствуется рука владыки Василия), отражавший в тот

момент взгляд православной иерархии на проблему церковно-государственных отношений. «Декларация, – говорилось в постановлении епископов о суворовском обращении, – 1. Не дает возможности понять, что же именно составители декларации разумеют под “тихоновщиной” и где они проводят границу между православием и политическими неправдами, в которых они обвиняют патриарха Тихона. 2. Не объясняет декларация, какое именно “отмежевание” от причастных к “тихоновщине” она разумеет: политическое ли только или же политическое и церковное вместе... 3. Декларация не знает того православного правила, что церковные наказания налагаются за религиозно-нравственные преступления и проступки, а не за политические убеждения и деятельность (постановление Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г.) и стремится заняться церковно-инквизиторскими преследованиями за политическую деятельность, подобно живоцерковцам. 4. Есть и другие недостатки в этой поспешно написанной декларации, но прежде всего и важнее всего то, что отдельные группы верующих и отдельные архиереи не имеют права сами устанавливать отношение Церкви к мирскому правительству, не испросив предварительно общего голоса по этому вопросу представителей Церкви, т.е. епископского сословия, контролю и власти которого подчинен и первенствующий епископ Церкви (Апост[ольское] правило 34), а не только рядовые епископы». Этим указанием украинские епископы по сути дезавуировали резолюцию экзарха, а заодно и заместителю местоблюстителя, на всякий случай, напоминали о его *подчиненном* положении. «Вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти, – утверждали они, – есть вопрос общецерковный, а не частный, и притом имеет первостепенную важность. И сам первенствующий епископ не может решать его, не испросив всеепископского голоса. Решение же этого вопроса отдельным епископом или отдельной группой христиан есть самоволие, не согласное ни с христианской нравственностью, ни с церковными канонами, и кроме вреда Церкви ничего принести не может, что уже и начинает сбываться у Вас на Черниговщине. А посему мы, украинские православные епископы, братски заповедуем и умоляем преосвященного Матфея и др. участников сего дела оставить это вредное для Церкви начинание и отказаться у Соввласти от этой декларации, заявив и ей, что вопрос об отношении Православной Церкви к Соввласти есть вопрос общецерковный и канонически решен может быть только в общецерковном порядке всем епископатом, а не отдельными группами лиц, и что этот вопрос уже обсуждается епископами». Таким образом, украинские епископы – и в первую очередь епископ Василий (Зеленцов) – на девятом году советской власти заявили о том, что вопрос о ее признании Церковью все еще является открытым. Не удивительно, что это привело ГПУ в ярость. Не удивительно и то, что, когда после окончания нэпа возобновились расстрелы епископов, первым из казненных стал 7 февраля 1930 г. священномученик Василий (Зеленцов).

Украинские епископы выразили свое отношение и к позициям митрополитов Сергия и Михаила, которые тогда заметно расходились. «Вместе с тем, – писали они черниговцам, – братски обращаем Ваше внимание на то, что упомянутая декларация не была рассмотрена митрополитом Сергием раньше, а в настоящее время не только не удовлетворила его, но и обеспокоила, что видно из его резолюции от 22 [июля] / 4 августа 1926 г. Что же касается до резолюции экзарха Михаила от 2/15 июля 1926 года, то мы считаем ее результатом недостаточно обстоятельного доклада экзарху Михаилу о сей декларации, благодаря чему высокопреосвященный экзарх получил неточное представление о том, что у Вас на Черниговщине происходит. По этому поводу мы постараемся безотлагательно войти в сношение с высокопреосвященным экзархом»³⁹.

Управлявший Черниговской епархией викарий после такого обращения к нему заочного собора архиереев полностью стушевался. «Епископ Матвей Черниговский, – сообщалось в Москву в докладе-сводке Секретного отдела ГПУ УССР за июль-август 1926 г., – получив указанные выше воззвания (имелись в виду резолюция митрополита Сергия и постановления украинских епископов. – *А.М.*), написал митрополиту Сергию просьбу освободить его от управления епархией и уволить на покой... Рядовое духовенство, обсуждая создавшееся положение, высказывает мысль, что экзарх Михаил своей подписью на декларации скомпрометировал себя. В силу этого ему придется уйти на покой, как это сделал епископ

Матвей... Епископ Матвей вызван нами в Харьков для инструктирования»⁴⁰. Митрополит Михаил, однако, в отличие от епископа Матфея уходить на покой не стал. В сношение с ним украинским епископам удалось войти уже в августе 1926 г. (налаженная к тому времени система связи действовала бесперебойно). Экзарху весьма доходчиво объяснили его неправоту в деле с суворовской декларацией, и он сразу же пошел на попятную, пытаясь, однако, при этом сохранить лицо. «Старания достичь нормальности в отношениях между Сов[етской] властью и Православной Церковью, – писал он 27 августа 1926 г., – по цели своей есть дело хорошее, поэтому я и благословил своей резолюцией от 2/15 июля с [его] г[ода] начало попытки протоиерея Суворова и других с ними на Черниговщине достичь более нормальных отношений к Соввласти. Но так как начало, по цели своей хорошее дело, продолжено ими с нарушением канонов и установленного порядка для таких дел, чем произведена вместо пользы для Церкви только смута церковная, причем у них есть стремление распространить эту смуту и за пределы Черниговщины, то я беру обратно данное им благословение, обязываю их немедленно прекратить это их начинание и без контроля и благословения местного епископа впредь ничего не предпринимать. Преосвященного Матфея, епископа Новгород-Северского, освобождаю от управления Черниговской епархией, согласно общего мнения православных епископов Украины, с перемещением его в Городнянское викариатство и с присвоением ему названия Городнянским»⁴¹.

К сентябрю 1926 г. ГПУ УССР проиграло украинским епископам «глуховское» дело. Оставалось только негодовать и просить у Москвы санкции на новые репрессии. «Воззвание епископов Украины о декларации Глуховской инициативной группы, – писали Дерибасу 23 сентября 1926 г. руководители харьковского Секретного отдела, – достаточно ярко вскрывает обнаглевшее поведение и контрреволюционную линию тихоновского епископата Украины... С целью пресечения дальнейшей активности тихоновщины, считаем необходимым производство ареста и высылки с Украины руководящего актива тихоновского епископата... Сообщая о вышеизложенном, СО ГПУ УССР просит дать телеграфную санкцию на проведение указанной операции по тихоновщине»⁴². Особо уговаривать Москву санкционировать репрессии в отношении «обнаглевших» украинских епископов Харькову не пришлось, и вскоре значительная их часть была арестована.

Отказ митрополита Михаила от поддержки суворовской инициативы не мог не сказаться и на его судьбе. Если в июле 1926 г. его не выслали из Москвы лишь потому, что надеялись использовать в новой интриге с легализацией, то в августе, после отзыва им благословения глуховской инициативной группе, у ОГПУ уже не было оснований оставлять его в Москве. Местом ссылки экзарха Украины стал Северный Кавказ. Есть сведения, что участие в суворовском деле было не единственной попыткой митрополита Михаила летом 1926 г. как-то продвинуть вопрос о легализации Православной Церкви на Украине. Согласно данным Косткевича, в июне 1926 г. в Киеве было получено «письмо от Ермакова из Москвы с предложением составить проект декларации для легализации в масштабе Украины»: «Составить этот проект он просил киевских епископов и духовенство. Насколько знаю, к его письму отнеслись холодно как киевские верхи организации, так и идущее за ними духовенство. Никакого проекта, кажется, никто не составлял, а затем последовала новая высылка м[итрополита] Ермакова в Прикумск, и вопрос отпал сам собой»⁴³. Отношение «киевских верхов организации» к обращению митрополита Михаила не было случайным. Суворовская декларация ясно показывала, что было нужно власти. Для Церкви это было неприемлемо. Украинские епископы не видели смысла составлять еще один проект декларации и пытаться в нем примирить непримиримое. Впрочем, так думали не только на Украине.

Наиболее активной части православного епископата в тот момент казалось, что нужно не упрашивать власть легализовать церковное управление, а поставить ее перед фактом избрания нового патриарха и его мирового признания. К середине 1926 г. был накоплен уже достаточный опыт решения насущных проблем церковной жизни путем опроса епископов и сбора их подписей (так, например, подписи собирались во время противодействия митрополита Сергия ВВЦС и митрополиту Агафангелу). У нескольких близких к заместителю местоблюстителя архиереев, в первую очередь у архиепископа Корнилия

(Соболева) и епископа Павлина (Крошечкина), тогда возникла мысль решить таким же образом и вопрос о замещении Всероссийского патриаршего престола. Эта идея довольно быстро обрела популярность. В качестве основного кандидата на тайных выборах патриарха был намечен митрополит Казанский Кирилл (Смирнов)⁴⁴.

Митрополит Сергей весьма скептически отнесся к инициативе епископов, но противоречить их консолидированной позиции он не мог, поскольку только благодаря их активной поддержке оставался во главе церковного управления. В то же время отклонение июньского ходатайства заместителя местоблюстителя о регистрации не означало, что его отношения с властью окончательно зашли в тупик. Высокопреосвященный Сергей еще с до-революционных времен имел репутацию одного из самых гибких церковных политиков, и в Секретном отделе ОГПУ это, конечно, знали и были готовы вести с ним дальнейшие переговоры о легализации патриархии, рассчитывая на серьезные уступки с его стороны. На этих переговорах осенью 1926 г. и было сосредоточено внимание митрополита Сергея, вынужденно же санкционированный им опрос архиереев о выборах патриарха рассматривался лишь как запасной вариант. «В случае, если бы мне удалась регистрация (юридическое оформление моего положения), – показал заместитель местоблюстителя на допросе 20 декабря 1926 г., – все кирилловское дело – т.е. выборы его в патриархи, а вернее, выборы патриарха вообще – отпало бы, так как в таком случае летом [19]27 года предполагался созыв поместного собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации – дело продолжалось бы дальше (т.е. собиране голосов), независимо ни от чего»⁴⁵. Некоторые епископы, например, Евгений (Кобранов), выражали недоумение по поводу такого совмещения несовместимых дел. «Я удивился, – описывал владыка на допросе свою реакцию на предложение епископа Павлина принять участие в тайных выборах, – как Сергей при его уме и дипломатичности решился одновременно с работами по легализации церкви, не дожидаясь результата, дать движение такому делу. Павлин ответил: “Это (надо понимать, легализация – А. М.) безнадежно, все равно ничего не выйдет”, сказал, что весь епископат уже высказался за Кирилла, что в случае моего отказа, дело обойдется без меня и т.д.»⁴⁶

Двойственность поведения митрополита Сергея вызвала недоумение и в ОГПУ, в результате чего 13 декабря 1926 г. он был арестован. «Митрополит Сергей...», – говорилось в очередном лубянском “Обзоре политического состояния СССР”, – склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке»⁴⁷.

После устранения митрополита Сергея усилиями власти началась постепенная дезорганизация управления «тихоновцев». «В течение весны 1927 г. сведения, которые я получал из центра, свидетельствовали о том, что в церковной жизни в СССР наступала анархия, – сообщал в своих показаниях Косткевич, – во многих местах церковные группы, отдельные епархии, епископаты и округа шли на сепаратную легализацию»⁴⁸. Митрополит Сергей имел основания впоследствии написать, что накануне его возвращения «расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела»: «Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как бы ощупью среди неосведомленности, жили отдельною жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие»⁴⁹. В качестве примеров таких «блуждающих» епархий можно указать на Барнаульскую и Семипалатинскую⁵⁰. 1 марта 1927 г. Томский епархиальный съезд постановил, что «Томская Церковь... признает необходимым оставаться в своих церковных делах самоопределяющеюся и будет находиться до времени, когда укажет Господь, в положении автокефальной (самостоятельной) Церкви»⁵¹.

Планомерную работу по разложению и подчинению «тихоновцев» продолжало и ГПУ Украины. Репрессии против нелегального собора украинских епископов вдохнули новые силы в суворовскую группу. Зимой 1927 г. она возобновила работу по подготовке «Съезда Старо-Славянской Церкви Глуховского округа», объявив об этом в типографски отпечатан-

ном «Извещении духовенству и церковным советам»⁵². При этом деятельность глуховских коллаборационистов была не единственным примером попытки сепаратной легализации на Украине. Как не трудно догадаться, вдохновлялась и направлялась вся эта деятельность органами ГПУ УССР. «Нами как метод были применены попытки к расколу тихоновщины на отдельные автономные благочиния, – отчитывались перед Москвой харьковские чекисты осенью 1926 г. – Этот метод получил свое широкое применение на Мелитопольщине... Нами даны соответствующие указания всем Окротделам о необходимости приступить к работе по разложению тихоновщины, широко применив метод Мелитопольщины»⁵³.

О том, как проводился в жизнь указанный «метод Мелитопольщины», свидетельствует заявление в Мелитопольский Окрадинотдел группы священников и мирян одного из местных благочиний: «Мы, нижеподписавшиеся священники и верующие, желаем соблюсти в полной строгости наши обряды и нашу православную веру, но вместе с тем мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы церковь использовалась в политических целях, как это пытаются сделать некоторые руководители церкви, как митр[ополит] Петр Крутицкий и др. ...Поэтому мы, группа православных верующих и священников, считаем необходимым создать свой временный до Вселенского собора орган управления – благочиние, – стоящий на строго православной точке и не допускающий абсолютно никаких изменений в церковной жизни, но вместе с тем совершенно независимый от каких бы то ни было церковных группировок, в том числе и от митр[ополита] Петра Крутицкого – т[ак] наз[ываемой] тихоновщины – и его сторонников, как от групп политиканствующих»⁵⁴. Главным здесь было уже ставшее обычным для церковных сепаратистов «отмежевание от тихоновщины», но был и свой местный мелитопольский «колорит» в апелляции к Вселенскому собору как к единственному признаваемому церковному авторитету.

17 января 1927 г. в «Докладной записке о работе по тихоновщине» начальнику СО ГПУ УССР В.М. Горожанин писал Дерибасу: «В округах Глуховском, Мелитопольском, Мариупольском и Конотопском организованы инициативные группы из актива тихоновщины, каковые согласились на наши условия легализации. В настоящее время активными деятелями группы проводится обработка духовенства в сторону присоединения к группе. Вырабатывается соответствующая декларация. После проведения достаточной подготовительной кампании по обработке духовенства нами будет дано разрешение на созыв окружных съездов. Съезды будут разрешены только в том случае, когда у нас будет полная гарантия, что все наши предложения будут приняты полностью безоговорочно». Горожанин четко сформулировал предъявляемые «тихоновцам» условия легализации: «Основными требованиями, на основе которых возможна легализация тихоновской группировки, нами выдвинуты: а) полная лояльность по отношению к Соввласти; б) отмежевание от всех нелегальных течений и группировок и прекращение с ними какой бы то ни было административно-церковной связи, а равно и прекращение поименования нелегально действующих епископов; в) вынесение на съездах требования к Всеукраинскому и Всероссийскому поместному собору о предании церковному суду и осуждению тех заграничных иерархов, кои создали тихоновщину как политическую авантюру и использовали церковь в целях борьбы с Соввластью; г) вынесение на съезде требования к будущему Всеукраинскому собору о необходимости объявления автокефалии Украинской православной церкви»⁵⁵. За исключением последнего, специфически украинского, пункта указанные условия были весьма характерны и ясно показывают, чего же хотела советская власть от «тихоновцев» в 1920-е гг.

Как следовало из записки Горожанина Дерибасу, Секретный отдел ГПУ УССР достиг успехов не только на периферийных направлениях типа глуховского или мелитопольского, но и на главном тогда для Украины – харьковском: «Освобожденный по болезни из-под стражи член нелегального Собора епископов, епископ Харьковский и Сумской Константин Дьяков после соответствующей обработки согласился взять на себя инициативу по легализации тихоновщины в пределах бывш[ей] Харьковской епархии... Для работы в этом направлении Дьяковым приглашены активные и видные деятели тихоновщины гор. Харькова. Попутно с этим Дьяковым предложено своим благочинным на округах детально обсудить в ближайшие дни выставленные нами условия легализации и высказать свое

мнение о приемлемости этих условий. По имеющимся у нас данным, стремление к легализации среди тихоновщины большое и инициатива епископа Константина встретила сочувствие среди верующих и духовенства епархии»⁵⁶.

При этом действовать в отрыве от остальных православных архиереев Украины епископ Константин не собирался. ГПУ УССР также было заинтересовано в том, чтобы его почин был подхвачен, поэтому оно не препятствовало обсуждению им сложившегося положения с другими епископами. «Указанные выше условия легализации тихоновщины подверглись также детальному обсуждению и находящимся в Харькове епископатом...» – сообщил Горожанин в своей докладной записке. – После обсуждения эти условия признаны слишком тяжелыми для тихоновщины. Основным пунктом, встречающим противодействие со стороны их, является п. № 2 об отмежевании от нелегально действующих церковных течений и организаций. В случае принятия этого пункта, они должны будут отказаться от всякой связи с заместителем местоблюстителя патриаршего престола и порвать всякую связь с епископами Украины, административно высланными. В результате обсуждения наших условий епископы с своей стороны выставили условия, приемлемые для них: 1. Вполне лояльное отношение к гражданской власти. 2. Полное отмежевание от заграничной церковной эмиграции и осуждение ее за политиканствующий образ действий, несовместимый с идеалами пастырства и вредный для блага Церкви. 3. Проведение автокефалии Украинской церкви на строго канонических началах с последующим потом отмежеванием от всех нелегальных течений и тех их представителей, кои не пожелают стать на путь легализации. Вышеуказанные условия легализации, по нашему мнению, неприемлемы для нас. Дальнейшие переговоры ведутся». Последние два предложения в докладной записке были отчеркнуты получателем, оставившем слева надпись: «Правильно»⁵⁷.

По-видимому, украинские архиереи во главе с епископом Константином готовы были идти на серьезные уступки, но власть хотела еще большего. По поводу докладной записки СО ГПУ УССР Тучков написал: «1) Постановка правильная. 2) Условия легал[изации] тоже. 3) Это же думаем сделать и мы. 4) Характер переговоров плохой, мы не равные стороны»⁵⁸. «Ознакомившись с представленной Вами докладной запиской о работе по тихоновщине, СО ОГПУ считает, что выдвинутая Вами постановка вопроса в данной работе вполне правильная, – официально указывалось Харькову из Москвы. – Условия и формы легализации тихоновщины точно так же отвечают поставленной нами задаче в дальнейшей работе по тихоновщине. Поэтому, соглашаясь в целом с Вашей докладной запиской, СО ОГПУ считает, однако, необходимо указать, что Ваши переговоры с активными тихоновскими епископами должны иметь целью категорическое принятие ими всех моментов, указанных в пункте 2 Вашей докладной записки. Причем данное осуждение (так. – А.М.) епископатом этих пунктов не должно, конечно, носить формы переговоров двух равных сторон, как это имеет место в данный момент»⁵⁹. Секретный отдел вел свою линию в отношении «тихоновцев» весьма жестко, стремясь сломить сопротивление во что бы то ни стало.

Весной 1927 г. дело получило новый поворот. Украинским епископам не пришлось идти на разрыв с заместителем местоблюстителя. Митрополит Сергей, пробыв три с половиной месяца в тюрьме, сам принял условия легализации, выдвинутые властью. При этом, судя по дальнейшему развитию событий, он смог договориться о выполнении патриархией требований ОГПУ не сразу, а постепенно, в обмен на обещание нормализации положения Православной Церкви в СССР. В результате, однако, ему пришлось затем все требования власти исполнить, Церковь же в ответ не получила практически ничего (не считая новых внутренних настроений)⁶⁰.

Позднее, в 1928 г., митрополит Сергей писал митрополиту Михаилу (Ермакову), почему он согласился на условия легализации, которые выдвигала власть (какие именно, он не конкретизировал, но экзарх Украины их знал): «Пишут, что легализацию мы не можем принять до тех пор, пока нам не будет дано все, что нужно для вполне независимого существования Церкви... Конечно, все эти пожелания близки всем нам, но нельзя же быть настолько наивным, чтобы ожидать их исполнения на практике, притом путем ультимативных требований. Нельзя же ожидать, чтобы государство, до сих пор считавшее нас контрреволюционерами, вдруг раздобрилось: отпустило бы всех на свободу и дало бы потом

нам самим решать, что угодно нам предложить государству. Ясно, что такой ультиматум будет иметь своим последствием только разложение нашей нелегальности в бесконечность. А уже теперь все чаще и чаще появляются признаки усталости в наших рядах, все эти местные автокефалии, декларации и прочее. Объяснить эту усталость одним малодушием было бы слишком односторонне. Она говорит о том, что непримиримость переходит уже известные границы и становится для большинства мало обоснованной и непонятной. Когда не требуется изменять ни вере, ни канонам, то у всякого рассуждающего человека возникает вопрос: «В чем же дело?» И естественно, пропадает желание терпеть неизвестно из-за чего. И вот одни за другими наши епархии будут автокефализироваться, мы будем объявлять их в расколе и т.д. Кому все это нужно и кому на руку? Ясно, что мы в центре не исполним своего долга, если не сделаем все возможное, чтобы предупредить этот развал. Не можем же мы приносить церковного благополучия в жертву тому настроению, по которому чем у нас будет хуже – тем лучше. В частности, и облегчения участи наших ссыльных ожидать можно только после легализации, притом не вдруг, а постепенно. Во всяком случае, я сознаю, что я был вправе созвать Синод и принять меры к легализации, точнее говоря, это был мой долг (раз явилась возможность к тому)»⁶¹.

«Усталость в наших рядах» заставляла митрополита Сергия отказываться от тех позиций, которые он сам отстаивал в 1926 г. Масса глуховских, мелитопольских и им подобных капитулянтов, которых по всей стране так старательно пестовало ОГПУ, достигла критического для митрополита Сергия значения. Священник Михаил Польский, бежавший из СССР в 1930 г., жестко, но небезосновательно характеризовал психологию большинства подсоветского духовенства фразой: «лишь бы подальше от тюрьмы». «Не знаю, – писал он вскоре после своего побега, – какие моральные силы мог подорвать митрополит Сергий у большинства рядового духовенства, но что психология этого большинства могла подорвать моральные силы самого митрополита Сергия, это я допускаю»⁶². «Устало» не только большинство духовенства. «Устали» и многие архиереи (епископ Константин (Дьяков), например). В конце концов, «устал» и митрополит Сергий. «Меры к вербовке попов для проведения линии отмежевания от тихоновщины», к которым призывались органы ГПУ в январе 1926 г., не сразу, но подействовали. Немаловажным было и то, что эти меры сочетались ОГПУ с репрессиями в отношении тех, кто противостоял (поначалу весьма эффективно) интригам «вербованных». Неприятие просоветской коллаборационистской линии в церковных кругах, однако, и после 1927 г. оставалось весьма сильным, что проявилось, в частности, в уходе в оппозицию митрополиту Сергию целого ряда ведущих иерархов Русской Православной Церкви⁶³. Только после «Большого террора» 1937–1938 гг., в ходе которого абсолютное большинство православного духовенства было физически уничтожено, из нескольких процентов уцелевших епископов власть получила устраивавший ее состав иерархии. Лишь тогда, уже в годы войны, положение Московской патриархии нормализовалось.

Примечания

¹ См., например: *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2 кн. Новосибирск; М., 1997–1998; *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и Советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008.

² См.: *Мазырин А.В.* Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и советская власть: причины конфликта в 1925 году // *Российская история.* 2010. № 2. С. 147–157.

³ См.: *Мазырин А.В.* Легализация Московской Патриархии в 1927 году: скрытые цели власти // *Отечественная история.* 2008. № 4. С. 114–124.

⁴ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307.

⁵ Там же, ф. архивно-следственных дел, д. Р-3677, т. 4, л. 24.

⁶ *Григорий (Яцковский), архиепископ.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 9.

⁷ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // *Вестник церковной истории.* 2006. № 1. С. 65–66.

⁸ Церковная жизнь эпохи гонений глазами тайного курьера украинских епископов: Следственные показания Г.А. Косткевича 1931 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (далее – ПСТГУ). Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 2(39). С. 96.

⁹ [Косткевич Г.А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2(23). С. 110.

¹⁰ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

¹¹ «Интервью с митрополитом Агафангелом» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 110.

¹² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 556.

¹³ «Интервью с митрополитом Агафангелом». С. 105.

¹⁴ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 97–98.

¹⁵ Подробнее см.: Мазырин А. Митрополит Ярославский Агафангел и спор о местоблюстительстве в 1926 году // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 62–104.

¹⁶ По инструкции НКЮ и НКВД РСФСР, утвержденной 27 апреля 1923 г., легализоваться должным образом мог лишь коллегиальный исполнительный орган всероссийского съезда религиозного общества. См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. Изд. 3. М., 1926. С. 123.

¹⁷ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 471.

¹⁸ Церковная жизнь в России: К правительству СССР. (Обращение православных епископов с Соловецких островов) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 7. С. 19–36.

¹⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 474.

²⁰ Известия ЦИК. 1925. 15 апреля.

²¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 390.

²² [Косткевич Г.А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 111–112.

²³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 551.

²⁴ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 639–639 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 98–99.

²⁷ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 581.

²⁸ Там же, л. 584 об.

²⁹ Там же, л. 482.

³⁰ Там же, л. 581.

³¹ «В Москве скопилось около 50 человек епископов... – отмечалось в постановлении. – В то время как для обслуживания религиозных потребностей – Москвы и губернии – нужно 5 человек (таков штат). Признать пребывание такого количества епископов политически вредным и поручить ОГПУ (г. Тучкову), не прибегая к арестам, организовать выезд наиболее вредных для жительства в монастырях по его (ОГПУ) усмотрению» (цит. по: Нежный А.И. Комиссар дьявола. М., 1993. С. 98–99).

³² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 585.

³³ Там же, л. 583 об.

³⁴ Там же, л. 585.

³⁵ Там же, л. 581.

³⁶ Там же, л. 586.

³⁷ Там же, л. 748.

³⁸ Там же, л. 635.

³⁹ Там же, л. 633–633 об.

⁴⁰ Там же, л. 640.

⁴¹ Там же, л. 634.

⁴² Там же, л. 631.

⁴³ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 99.

⁴⁴ Подробнее см.: *Журавский А.В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004. С. 245–286.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. архивно-следственных дел, д. Р-31639, л. 57.

⁴⁶ Там же, л. 92.

⁴⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 2. С. 829.

⁴⁸ Церковная жизнь эпохи гонений... С. 104.

⁴⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 548.

⁵⁰ Журнальные постановления Барнаульского Епархиального Съезда староцерковников, от 15–18 февраля 1927 г. Барнаул, 1927. С. 11; *Краснов-Левитин А.* Лихие годы: 1925–1941: Воспоминания. Париж, 1977. С. 86–87.

⁵¹ Протоколы заседаний Томского епархиального съезда, прошедшего 1–3 марта 1927 года // *Вестник церковной истории.* 2006. № 4. С. 39–40.

⁵² ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 5, д. 307, л. 797.

⁵³ Там же, л. 640 об.

⁵⁴ Там же, л. 652.

⁵⁵ Там же, л. 734–735 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, л. 733а.

⁵⁹ Там же, л. 733.

⁶⁰ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* 1927 год в истории Русской Православной Церкви // *Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года.* М., 2010. С. 11–95.

⁶¹ ГА РФ, ф. Р-5919, оп. 1, д. 1, л. 415–416.

⁶² [*Польский*] *Михаил, свящ.* Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 68.

⁶³ См.: *Мазырин А., свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

© 2012 г. А. Л. БЕГЛОВ*

ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В СССР В 1920–1930-е ГОДЫ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Сегодня редко встречаются работы, в которых сочетается исследование социальной и церковной истории. Между тем, историк Церкви не может игнорировать социальные процессы, в которые была вовлечена большая часть ее паствы, поскольку все социальные трансформации, происходившие в России и в СССР в XX в., затрагивали положение верующих. Так, распад сословной структуры стал болезненным испытанием для духовенства, а масштабные изменения в жизни крестьянства сказались на жизнеспособности сельских приходов и на судьбе традиционных религиозных практик¹. Одновременно и исследователю социальной истории не следует вовсе оставлять вне поля зрения религиозные сюжеты, предоставляя их освещение исключительно религиоведам или церковным историкам. Ведь профессиональные, семейные и повседневные отношения людей порой невозможно отделить от проявлений их религиозности. Недаром при исследовании повседневной жизни советского крестьянства Ш. Фицпатрик заметное

---

* **Беглов Алексей Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».